

Д. М. ВОЛОДИХИН

ЛЕГКО О СТРАШНОМ

Рецензия на книгу: *Экштут С.А.* Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: «Молодая гвардия», 2012. 432 с.

Семен Аркадьевич Экштут – уникальный историк, которому на протяжении многих лет удается счастливо усидеть одновременно на двух стульях. Когда выходят его книги, статьи, очерки, профессиональная аудитория со спокойной душой принимает автора как «своего». Почему бы нет? Опора на источники в наличии? Да. Основательный анализ этих источников имеется? Без сомнений. Знание современной литературы вопроса – вплоть до весьма «специальных» работ видно? Профессионалу – да, видно. С другой стороны, читатель-неспециалист, просто интересующийся историей своего отечества гуманитарий, образованный человек, с легкостью читает лучшие книги Экштута. Тот всегда и неизменно задает тон разговора, абсолютно чуждый тяжеловесному вещанию «с кафедры». Он играет с читателем не в игру «профессор и студент», а игру «разговор двух приятелей». А такая беседа должна звучать легко, приятно, занимательно. Собственно, так и есть: ознакомившись с очередным трудом Семена Аркадьевича, получаешь ощущение, будто вдоволь наговорился с блестящим собеседником.

Много лет назад, еще в 1997 г., Экштут, предвидя, какой станет историческая литература в ближайшие десяток-полтора лет, разработал особый метод, коего и придерживается до сих пор. Этот метод именуется «историософским маньеризмом». Он сочетает серьезную историческую основу, философические раздумья (благо, его создатель – доктор философских наук) с изрядной порцией «художества». Получилось нечто вроде изящной ковanej решетки: надежно, приятно для глаза и весьма полезно в житейских обстоятельствах.

Из книги в книгу Экштут остается верен философскому маньеризму, суть которого он выразил в нескольких словах: «Мы живем в идеальное время для историософских опытов, когда есть все условия для содержательной, а не спекулятивной интерпретации исторического процесса... Тяга к потустороннему и неземному потеснит гуманистический оптимизм... Воображение и интуиция, связь с мистикой станут новыми опорами для деятельности ученого. Он устремится к виртуозности и усложнению традиционных мотивов. Субъективная основа творчества властно заявит о себе: изучение объекта исследования станет диктоваться

внутренним чувством мастера и подчиняться ему... Объективированному изображению мира будет противопоставлено его художественное воссоздание, ставящее эмоции и переживания выше соблюдения внешнего правдоподобия. Историсофские опыты станут сплавом науки с литературой и искусством»¹. Его новая работа – «Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века» – выполнена в той же манере. И, может быть, давно наработанный стиль нашел в ней наивысшее свое выражение. Все достоинства историсофского маньеризма сфокусированы, доведены до предельного развития. Тут и эксперименты, и интуиция, и художественное воссоздание мира, и литературная виртуозность. И, как и подавляющее большинство книг Экштута, эта издана с тщательно подобранными иллюстрациями. Некоторые из них – уникальны. Это ведь тоже часть историсофского маньеризма: внимательно следить за эстетикой оформления книги. Ее должно быть приятно взять в руки, полистать...

Историсофский маньеризм С.А. Экштута стопроцентно «вписан» в ту группу методических платформ, которая именуется «интеллектуальной историей». Она обращена не только, и даже не столько к «объективно текущему историческому процессу», сколько к концептосфере, или, как удачно было сказано одним из современных ее поклонников, «осмыслению осмысления». Работы Экштута, в том числе и «Повседневная жизнь русской интеллигенции», это, можно сказать, мейнстрим интеллектуальной истории России.

Аннотация книги обещает хронику событий с середины XIX по начало XX в. «Это время – время слома векового уклада русской жизни и активизации революционно-демократического движения, сексуальной революции и отпадения от Церкви, борьбы сословных “предрассудков” и “передовых” идей, промышленного переворота и бурного роста капитализма – противопоставило отцов и детей, взорвало вековые нормы брака, обострило непримиримость державников и прогрессистов, спровоцировало выброс молодёжной “энергии заблуждения”, направленной на разрушение, и в результате подготовило революцию». Все эти темы рассматривается на примерах литературы, искусства, философских доктрин, социологических исследований, мемуаров, исторических трудов, личных переписок. Многие авторские суждения, что называется, онтологически полемичны и провоцируют на споры. Так, к интеллигенции он причисляет и дворянство, и офицерство, и промышленно-торговые круги, и “новых людей”, объединяя их понятием “образованное общество”,

¹ *Экштут*. 1998. С. 271, 273.

пересматривает отношение к самой ментальности русской интеллигенции: «Своеобразной компенсацией невозможности обретения даже очень скромного достатка служил поиск правды, жажда духовности, неуёмное стремление формулировать и решать “проклятые” вопросы». «А может, наоборот, – спросит иной читатель, – “жажда духовности” оставляла его равнодушным к “достатку”?..» Это, конечно, своего рода провокация. Но историософский маньеризм любит провокации. Тем, кто на них поддается, сей метод обещает отличное времяпрепровождение.

Автор разбил повествование на множество небольших главок, что создает ощущение легкости, «ажурности» конструкции книги. Солидный том усваивается без напряжения.

Часть материала публиковалась в прежних книгах Экштута, и вызвала положительные отклики. Здесь – генеральная сумма раздумий автора над эпохой постепенного размывания тех основ, на которых держалась Российская империя или, вернее, русская государственность. Падает сословность, и первым терпит крушение дворянство, привычное служить и вне государевой службы не находящее себе достойного места в жизни. В итоге оно постепенно превращается в паразитарный социальный слой. Шатается вера. В упадок приходят традиционные устои общественного и семейного быта. Активнейшая часть образованного класса в лице интеллигенции видит в государстве врага, а в капитализме – мерзость. Вся империя, когда-то крепкая, по внешней видимости – несокрушимая, качаясь, медленно бредет к катастрофе.

В сущности, книга С.А. Экштута – неспешное переживание этой предкатастрофной эпохи. Величайшее крушение, взятое крупными планами в замедленной съемке. Так, чтобы каждая деталь значила не меньше, нежели совокупность всех деталей. Автор с необыкновенной силой доказывает тезис, согласно которому исторические процессы столь же хорошо видны в мелочах, в единичном, в эпизоде, капризе, жесте исторической личности, как и в могучих магистралях масс, классов, процессов большой длительности, глыбах статистики.

Главки книги тяготеют к двум темам, из которых вырастает два самостоятельных сюжета. *Первый* – о блеске и нищете российской интеллигенции, и хорошо еще, что Экштут пощадил ее потомков, устроив систему образов так, чтобы беспощадные ассоциации с Маниловым и маниловщиной возникали реже, чем ассоциации с милым, мягким, неприспособленным к жизни Обломовым. Но миф об интеллектуальном великолепии дореволюционных интеллигентов он так «заровнял», что «не надо хоронить». *Второй* – о разрушении традиционного общества, сексуальной революции и раскрепощении русской женщины под влия-

нием европейской общественной мысли. Илья Ильич Обломов – человек больших душевных достоинств, но закат его жизни не содержит в себе ничего светлого. Так вот, в книге С.А. Экштута полстолетия из жизни России представлены как судьба одного Большого Обломова. Вся страна, за редкими исключениями, – громадный Обломов. Только вот жить ему уже не на что, душ крепостных за ним не числится. И он стремительно приближается к печальному финалу, хотя пленительные грёзы еще роятся у него в голове...

На протяжении второй половины XIX в. Империя погружается в сумерки, капитализм ведет наступление по пересеченной местности, преодолевая горы и топи, а образованное общество смотрит на новую реальность широко закрытыми глазами. В середине XIX в. традиционные общественные устои быстро разрушаются, исчезает их экономическая основа – труд крепостных крестьян. Капиталистическая модернизация экономики пробуксовывает, но все же на бескрайних землях Империи набирает силы капитализм. Можно сказать, экономические черви жрут корни старинного дворянского вишневого сада, готовя почву для совершенно другого социального строя. Если бы русское образованное общество смирилось с капитализмом как с неизбежной реальностью, постаралось бы приспособиться к буржуазному быту, или, напротив, повело против первого и второго непримиримую борьбу, судьба страны сложилась бы иначе. Бог весть, лучше или хуже была бы та реальность, которая явилась бы на смену 1917 г., но «социалистический эксперимент» точно не наступил бы на хребет страны своей слоновьей пятой.

С.А. Экштут констатирует: наше образованное общество не воспротивилось «экономическим червям» капитализма и не попыталось подстроиться к их неутомимой работе. Оно избрало третий путь – путь мечтательного презрения. Жалкое меньшинство сознательно встроеилось в новую экономическую действительность. Прочие же без особой тоски и печали попрощались с тем, что она губила, но к правилам игры, введенным ею в действие, отнеслись высокомерно и безразлично.

В центре книги – диалог, который ведется между образованным классом и новыми временами. Роль главного источника играет художественная литература и, в меньшей степени, разного рода воспоминания. Выбор абсолютно правильный: именно на страницах литературных произведений идеалы нескольких поколений русских людей представлены в концентрированном виде, ярко и откровенно.

Россия имперская, казенная, державная, отходила в прошлое. Интеллигенция сочиняла реквиемы имперским ценностям. Она уже не создавала торжественных песен во славу русского оружия. Напротив, рус-

ский конкистадор вызывал у нее резко отрицательное отношение. Экштут приводит характерный пример: Надсон, обращаясь в стихотворении «Герою» к генералу Скобелеву, бросает черные слова: «Твой путь – позорный путь! Твой лавр – насмешка злая!» Интеллигенция, выламываясь из системы всеобщей службы, скреплявшей прежнюю Россию, клеймит тех служивых людей, которые еще волокут тяжелый груз в державной упряжке. У нее свой идеал: свобода и гуманизм. Правда, и то, и другое взято в своей предельной, а стало быть, абстрактной форме.

Свободы – да, с 1860-х гг. становится больше. И гораздо влиятельнее, чем раньше, оказываются те, кто берет на себя роль ее глашатаев, вольных творцов, духовных учителей общества. Само общество готово к ним прислушиваться, ждет от них последней истины о том «кто виноват», «что делать» и «как жить честно». Автор книги с яркой выразительностью показывает, сколь большой властью наделяет подобных персон общественное мнение. Фактически они становятся божками на обезбоженной почве. И даже когда они относятся как неблагодарные свиньи к тем, кто материально обеспечивает их творчество (княгиня Тенишева, Мамонтов, Морозов и др.), в глазах общества за ними сохраняется правота. Но практическая жизнь поворачивает их к тому, что свободу надо оплачивать трудом и трудом очень большим. Следовало научиться зарабатывать деньги. Потребовалась образованность нового рода, мало связанная с теми знаниями, которые давали тогда в гимназиях и университетах. Необходимым стало иное отношение к труду и доходу. Все, кто ни попадя, готовы были изливать возвышенно-прекрасные слова ручьями и реками. Но «проклятая реальность» говорила: слова словами, а вот, сколько у вас, молодой человек, за душой червонцев?

Прежде общество строилось на всеобщем долге. В последней трети XIX в. размывается понятие долга в отношении власти, Церкви, даже собственной семьи. Лучшие, может быть, страницы книги посвящены тому, как разваливается традиционная семья, какой ценой эмансипируется русская женщина и как осознает она, освободившись от семейного долга, что теперь никто за просто так ни в чем не станет ее поддерживать. Да и вообще: наступила новая эпоха, никто никому ничего не должен, кроме процентов по займу, а стало быть, и бескорыстной помощи ждать ни от кого не стоит.

Образованное общество страшно разочаровано. Оно возмнило, что избавление от «оков» николаевской эпохи быстро приведет к созданию какого-то гуманистического рая на земле. Собственно, одна из глав книги так и названа: «Гуманистический туман». Рая, конечно же, не наступило. Вместо него пришли «оковы» нового, буржуазного образца,

еще более нестерпимые для интеллигенции. И многие тысячи образованных людей усвоили отношение к окружающей реальности как к проклятой духоте, царству тьмы и безнадежного корыстолюбия. Величайшие русские писатели и драматурги того времени с омерзением писали о предпринимательстве и предпринимателях, о коммерческих проектах и даже о железных дорогах. В их глазах, как показывает автор, прагматичное польздолюбие являлось сущей скверной, хотя многие из них обрели материальный достаток лишь благодаря новой экономической реальности. С.А. Экштут с полным на то основанием говорит: слишком многие ждали революции как «глотка свежего воздуха», жаждали ее, тосковали по ней. Слишком многие предпочли буржуазным ценностям и элементарной личной ответственности всепроникающую силу государства, рождающегося в революционном горниле.

Большой Обломов лежал, лежал, поругивая то имперские ценности, то буржуазные, а экономические черви подгрызали его с боков. Так он предпочел усвоить самую разрушительную идеологию в отношении собственной среды обитания и сгинул вместе с ними в 1917 году.

Солнце Российской империи опустилось за горизонт в октябре 1917-го. Как уже говорилось, процесс медленного, но неуклонного скатывания Большого Обломова к революции растянулся на долгие годы. Одной из главнейших социальных сил, приближавших его к кончине, стала... российская интеллигенция. Она не только с упорством, достойным лучшего применения, губила самоё себя. Она губила многое крепко сделанное и твердо стоящее *вокруг себя*.

С.А. Экштут убедительно показывает: русский интеллигент пореформенной поры являлся *концентрированным Обломовым*. Вернее сказать, это маленький вреденький коллективный Обломов внутри великого пассивного общеимперского Обломова. Похоже на матрешку из хоррора: Обломов в Обломове, притом внутренний, малый, яростно грызет изнутри стенки большого, внешнего. А тот не очень понимает, что с ним творится и как излечить губительную хворь...

В сущности, девиз книги Экштута – «легко о страшном».

Пером одаренного литератора в тоне дружеской беседы – о тяжелой болезни с летальным исходом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: «Молодая гвардия», 2012. 432 с.; ил.

Экштут С.А. На службе российскому Левиафану. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ; volodih@mail.ru